

Кратковременный взлет советского авангарда в 20-е годы стал основой формирования мифа и фундаментом творчества архитекторов 60-х годов XX в. Исследования историков архитектуры последних 20 лет открывают множество подробностей и противоречий из жизни советского авангарда и ВХУТЕМАСа. Но уже сложившийся в 60–70-е годы миф живет своей жизнью. Он уже является частью истории и существует параллельно с иными трактовками и моделями, и никакие выявленные парадоксы и противоречия не могут его поколебать.

Ключевые слова: советский авангард; ВХУТЕМАС (ВХУТЕИН); миф; история; противоречия. /

The brief rise of the Soviet avant-garde in the 1920s was the basis for the formation of the myth and the foundation for the architects' creative work in the 1960s. The studies conducted by historians of architecture within the last 20 years reveal a number of details and contradictions of the life of the Soviet avant-garde and VKHUTEMAS. However, the myth that was formed in the 1960–70s is living its own life. Being a part of the history, it exists alongside with other renderings and models, and none of the revealed paradoxes or contradictions can shake it.

Keywords: Soviet avant-garde; VKHUTEMAS (VKHUTEIN); myth; history; contradictions.

Миф советского авангарда и ВХУТЕМАСа /

текст

Елена Багина /

text

Elena Bagina

Графика Сергея Астапова к проекту оформления набережной реки Смоленки в Петербурге совместно с архитектором Олегом Лапто / Graphics by Sergey Astapov for the design of the Smolenska River Waterfront in Petersburg worked out in collaboration with architect Oleg Lapto

Миф всегда рассказывает, каким образом реальность, благодаря подвигам сверхъестественных существ, достигла своего воплощения и осуществления. Это всегда рассказ о некоем «творении», нам сообщается, каким образом что-либо произошло, и в мифе мы стоим у истоков существования этого «чего-то». Миф говорит только о произошедшем реально, о том, что себя в полной мере проявило. Персонажи мифа – существа сверхъестественные. Они общеизвестны, так как они действуют в легендарные времена начала всех начал.

Мирча Элиаде

«Начало всех начал» для архитектуры советского авангарда – 10 лет, с 1919 по 1929 гг. (или с 1920 по 1930). Для мифа, который сложился в 60-х – 70-х годах XX века в советской историографии, точные даты не слишком существенны. Важно, что это было в 20-е годы XX века. Десять – число круглое, почти сакральное. Книга Джона Рида о русской революции 1917 г. называется «Десять дней, которые потрясли мир». Мир лихорадило гораздо больше и дней, и месяцев, и лет, но как хлестко звучит: «десять дней...». Еще лучше было бы 7 дней. Ведь Господь по Библии создал мир за 6 дней и в день седьмой отдыхал. Ленин написал к книге Джона Рида в 1920-м году предисловие, которое начиналось словами: «Прочитав с громадным интересом и неослабевающим вниманием книгу Джона Рида: «Десять дней, которые потрясли весь мир», я от всей души рекомендую это сочинение рабочим всех стран» [1]. Читали ли эту книгу рабочие – большой вопрос. Советские историки ее зачитали до дыр. Для создания мифа об Октябрьском перевороте книга Рида была просто подарком, а для фильма Сергея Эйзенштейна «Октябрь» она послужила основой сценария. Первоначальное название фильма тоже было «Десять дней, которые потрясли мир» [2]. Героический миф о штурме Зимнего, созданный фильмом Сергея Эйзенштейна, несмотря на опровержения историков, живет и будет жить. Французский критик Жан-Клод Конеса писал о фильме: «Фильм одновременно становится и рассказом об истории, и ее составной частью» [3].

Десять лет советского авангарда потрясли профессиональный мир в 60-е гг. Именно тогда сформировался

миф о героическом времени советской архитектуры, о свершениях и борьбе передовых архитекторов, о годных подмастерьях гениальных мастеров ВХУТЕМАСа, которые сели за парты, вернувшись с фронтов гражданской войны, жили по 15 человек в комнатах холодного общежития, но страстно хотели учиться и строить новый мир. В этом мифе все факты правдивы. Но сама подборка работает на создание той картины, которая укладывается в рамки советской идеологии 60-х – 70-х годов. Все, что выходит за эти рамки, как бы не существует.

Частью мифа советского авангарда был ВХУТЕМАС – учебное заведение, прототипом которого на Западе был Баухауз.

ВХУТЕМАС организовали в 1920 году. Прошло без малого сто лет. Считается, что об этом явлении (событии) мировой культуры известно почти все – когда, где, в каких зданиях располагались мастерские, кто преподавал, какие идеи проповедовали мастера, кто у кого учился, какие проекты делали студенты (подмастерья), почему выбрали такое название и многое другое. Высказывания Ладовского, Кринского, Голосова, Мельникова, Малевича широко публиковались. Но слова и дела лидеров авангарда не совпадают. Результат не является следствием их теорий.

Обыкновенно не придают значение тому, что и Жолтовский, и Щусев, и многие другие мастера неоклассики и модерна тоже преподавали во ВХУТЕМАСе, хотя тот факт, что во ВХУТЕМАСе были академические мастерские и там студентов учили по традиционным программам, общеизвестен. Где еще в условиях продолжающейся гражданской войны и разрухи архитекторы, живописцы, искусствоведы и философы могли найти работу? Преподавать во ВХУТЕМАСе разрешалось всем – и получившим признание до революции, и новаторам, увлеченным футуризмом, кубизмом, новыми открытиями физики, математики, достижениями инженерии, идеями Ф.-Л. Райта, группы Де Стилль, Ле Корбюзье.

В большинстве публикаций о ВХУТЕМАСе (ВХУТЕИНе) подспудно проводится мысль, что традиционалисты во ВХУТЕМАСе не были главными и не они делали там погоду. И сколько бы документов на эту тему не было опубликовано, сколько бы статей не было написано о влия-

The Myth of the Soviet Avant-Garde and VKHUTEMAS

нии Щусева или Жолтовского на ВХУТЕМАС – это ничего не изменит. Ибо миф ВХУТЕМАСа живет по своим законам. Разрушить его невозможно: ВХУТЕМАС=авангард; ВХУТЕМАС – символ авангарда.

В начале 70-х годов XX века о ВХУТЕМАСе и советском авангарде отечественные авторы говорили и писали так, будто открывали некое запретное, тайное знание. Тем более, что сладкое слово «свобода» пряталось в картинках и осторожных текстах книг и статей Селима Омаровича Хан-Магомедова и его коллег. Архитекторы, художники, дизайнеры 20-х годов представлялись фанатиками, подвижниками, мучениками веры в возможность обновления мира и человека. Многочисленные публикации 70–80-х годов XX века создали идеализированные образы героев авангарда. Они были необходимы архитекторам-модернистам 60-х для обретения твердой опоры. Боги классической архитектуры в СССР были сброшены с архитектурного Олимпа слишком резко. Спасло то, что большинство профессионалов не имело собственной философии и придерживались тех взглядов, которые давали возможность получать заказы (в 20-х годах) и просто иметь работу и зарплату тогда, когда, начиная с 30-х годов XX века, все архитекторы стали советскими служащими (см. статьи Дмитрия Хмельницкого и Марка Мееровича). Можно назвать советских модернистов 1960–70-х, еще так недавно исповедовавших классицизм, архитектурными язычниками, которые вдруг прозрели и признали истинного Бога. Герои отечественного и западного авангарда стали святыми новой веры. Второе издание учебника «История советской архитектуры» 1985 года дало ту картину истории советской архитектуры, которая не противоречила советской идеологии. Об авангарде 20-х принято было говорить так: «Освобождающая сила Великой Октябрьской социалистической революции дала решительный толчок и простор для развития всего того прогрессивного, что накануне революции занимало оппозиционное положение по отношению к официально-буржуазному искусству». О периоде 30-х – 50-х годов говорили иначе: «Большое внимание, уделяемое высшей школой и Академией архитектуры СССР изучению архитектуры исторических эпох, не только обогащало творческое воображение архитекторов, развивало

художественный вкус, понимание различных принципов гармонизации в композиции, но порождало одновременно и опасность пассивного, потребительского отношения к традиции» [4]. Авторы этого учебника – мастера гладких, обтекаемых формулировок. Может быть, поэтому, когда студенты пытались воспользоваться учебником при подготовке к экзамену, это плохо получалось. Не за что было зацепиться.

Не всякое время порождает мифы. В «кипении и зыбкости» эпохи 20-х годов XX века были все основания для последующего мифотворчества. И недаром букварь 1920-х годов, как вспоминал Варлам Шаламов, начинался не с обыденного «Мама мыла раму», а с гордых слов: «Мы – не рабы, рабы – не мы». Рабы поверили, что они не рабы, поскольку им это внушали с детских лет. Большинство осталось рабами, но эта вера действительно сделала многих в 20–30-е годы внутренне свободными. Правда, и расплата за свободу мысли была страшной. Судьба многих выпускников ВХУТЕМАСа, а затем ВХУТЕИНА это подтверждает. О феерически-утопическом духе 1920-х годов, мечте о «штурме неба» и ожидании мировой революции написано немало. ВУЗы 20-х годов были «кипящим котлом». «Всякое решение правительства обсуждалось тут же, как в Конвенте... Эти споры велись буквально обо всем: и о том, будут ли духи при коммунизме, и о том, существует ли общность жен в фаланге Фурье, и о воспитании детей. Обсуждались не формы брака, обсуждался сам брак, сама семья – нужна ли она. Или детей должны воспитывать государство и только государство. Нужны ли адвокаты при новом праве. Нужна ли литература, поэзия, живопись, скульптура. И если нужны, то в какой форме, не в форме же старой» [5]. Идеальный мир утопий в 20-е годы был необыкновенно красочным. Реальность – серой и жестокой.

В середине 20-х годов сладкое слово «свобода» сыграло злую шутку с обывателями. Стало модно кутить, менять сексуальных партнеров. Крупные города наводнили проститутки. Перевоспитанием этих женщин занимались жены крупных политических деятелей, в частности, жена С. М. Кирова. Как известно, ничего не получилось. Идея обобществления быта была популярна. Архитекторы-авангардисты немало сделали для ее реализации. Дома-

коммуны просуществовали недолго, а вот коммунальные квартиры, так красочно описанные Михаилом Зощенко, Ильей Ильфом и Евгением Петровым, живы до сих пор. И появившееся в 20-х годах понятие «квадратный метр» сегодня так же актуально, как и 100 лет назад.

Ситуацию в общежитии ВХУТЕИНа в 1929 году студент описал так: «...в комнатах нас помещается человек по 15, хотя должно быть в два раза меньше. Первое время не хватало на всех коек и матрацев, спали на полу, простужались. Ночью жизнь в комнатах продолжают наши нелегальные жильцы – крысы. Пищат, лазят всюду, грызут, портят вещи, одним словом хозяйничают на все лады, как будто знают, что изживать их вовсе не собираются» [6].

Со времени организации ВХУТЕМАСа до 1929 года ситуация со студенческим бытом была примерно одинаковой. Это описание поддерживает героический миф о студентах, которые с горящими глазами слушали Гинзбурга, Весниных, Мельникова в нетопленных аудиториях и мечтали о мировой революции и светлом будущем для всего человечества. Если посмотреть биографии тех, кто закончил ВХУТЕМАС, (ВХУТЕИН) и затем стал известным архитектором – это были, в основном, дети относительно обеспеченных родителей с хорошим образованием (Андрей Буров, Кирилл Афанасьев, Михаил Туркус, Каро Алябян и др.). Они платили за обучение, их могли в любой момент отчислить, тогда как выходцев из «пролетариата» тянули изо всех сил, несмотря на неудовлетворительную успеваемость. Плата за обучение в середине 20-х годов колебалась от 50 до 400 рублей в год в зависимости от благосостояния родителей. В 1925 году средняя заработная плата в месяц составила 46,4 руб., в 1926–52,5 руб., в 1927–56 руб. Страна пережила в 20-е годы несколько финансовых реформ и деноминаций. Какие цены были в 1920-м году, показывает выдержка из дневника служащего того времени от 28 марта 1920 года: «30 марта начинается «банная неделя», и по сему поводу Московская чрезвычайная санитарная комиссия предлагает всем москвичам бесплатно помыться в бане, где каждому будет выдан кусок мыла. То-то будет хвост! Я вот на днях ходил не бесплатно в баню и заплатил за вход 125 рублей да банщику 120 рублей, а мыло, конечно, было свое. Теперь вообще гигиена тоже кусается. Последняя стрижка и брижка в плохонькой парикмахерской стала мне в 135 рублей, причем от всякой парфюмерии пришлось отказаться, а то бы насчитали рублей 300» [7].

Художник Валерий Сергеевич Алфеевский вспоминает о поступлении во ВХУТЕМАС: «При поступлении в институт преимущественно пользовались рабфаковцы, которые принимались без вступительных экзаменов и составляли основную массу поступающих. Остальные допускались к экзаменам по профсоюзным путевкам, и лишь небольшое количество мест оставалось для поступающих по конкурсу... Спустя несколько дней меня вызвали на комиссию, другую, студенческую, где заседали будущие рапховцы: Якуб, Северденко, Церельсон. Мне без обиняков заявили, что я, не будучи пролетарского происхождения, на живописный факультет как факультет идеологический допущен не буду, а буду зачислен на керамический» [8].

Среди студентов регулярно проводились «чистки», чтобы уменьшить количество учащих за счет «нетрудовых элементов». Успеваемость в расчет не принималась. Выходцам из дворян вообще отказывали в возможности учиться в ВУЗах.

Анкетирование школьников в СССР в 1920-х годах показало, что большинство из них придерживались буржуазных ценностей. Они понимали, что физическим трудом не разбогатеешь. Работу на заводах и военную

службу выбирало меньшинство. Учеба в художественных институтах для многих была способом избежать тяжелого физического труда. Типичная запись середины 20-х годов в девичьем альбоме: «Желаю тебе превратиться в шикарную женщину, найти жениха с хорошим окладом жалованья и иметь целый салон для гостей» [9].

Как и во всяком мифе, в мифе о советском авангарде есть герои и злодеи. Герои – отважные архитекторы и художники, пророки нового мира: футуристы, супрематисты, конструктивисты, рационалисты и прочие -исты. Они презирали эклектическую архитектуру, модерн вызывал у них приступ рвоты, проектировали и строили по-новому. Проектировали не просто здания, а новую жизнь (Гинзбург). Или иначе: проектировали так, чтобы человек затрачивал минимум психической энергии, чтобы осознать сложную объемно-пространственную композицию (Ладовский). Их архитектура была не похожа на буржуазные образцы. (Непонятно, правда, как быть с очевидным влиянием Ле Корбюзье, Миса ван дер Роэ, Фрэнка Ллойда Райта и др.). Хотя нет, понятно: мировая революция не за горами, прогрессивные западные архитекторы увлечены социалистическими идеями. Они близки по духу. И действительно, в 1926 году Мис ван дер Роэ делает памятник Карлу Либкнехту и Розе Люксембург, проектирует дома для рабочих с минимальными площадями и возможностью трансформации внутреннего пространства в зависимости от потребностей семьи. К выставке немецкого Веркбунда построен образцовый поселок для рабочих (!) Вайсенхоф. Виллы Корбюзье сложно, конечно, назвать жилыми домами для рабочих, но ведь его виллы стилистически похожи на то, что строилось в Вайсенхофе. Противоречий в высказываниях героев авангарда не счесть. Но для формирования мифа противоречия не существенны.

Злодей известен. Дмитрий Хмельницкий приложил немало усилий, чтобы Иосифу Виссарионовичу Сталину дали эту роль. Согласно мифу, герои битву со злодеем в 1930-м году проиграли, им пришлось вспомнить то, чему их учили в Академии художеств и в Институте живописи, ваяния и зодчества. Тем же, кто учился во ВХУТЕМАСе и ВХУТЕИНе пришлось начинать все сначала – осваивать ордерные премудрости и учиться по-настоящему анализировать памятники архитектуры. То есть «кучиться, учиться и еще раз учиться», как завещал великий Ленин. Сталин умер в марте 1953 года, и спустя несколько лет после приснопамятного постановления «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» № 1871 ЦК КПСС и СМ СССР от 4 ноября 1955 года, которое одновременно завершило эпоху советского монументального классицизма, над СССР вновь возшла звезда модернизма. Казалось бы, время оставшихся в живых героев советского авангарда наступило. Но второго пришествия не могло быть по многим причинам: Миф был уже сформирован, и живые свидетели реальной жизни были никому не нужны. Их время ушло. Понятно, что из огромного багажа Хан-Магомедова опубликовано было только то и в той интерпретации, что соответствовало мифу, а потому жития героев советского авангарда глагольны. Лишних подробностей нет: Жил-Был-Построил-Не построил. Формул умолчания в 60–70-х годах XX века, когда миф советского авангарда сложился, было предостаточно. Реальные воспоминания свидетелей иногда диаметрально расходились с общепринятым сюжетом [10].

Вот небольшая иллюстрация из жизни героев ВХУТЕМАСовского мифа. В «мрачные годы» «освоения исторического наследия», (в мифе о советском авангарде – это годы регресса) в 1934 г. была издана священная книга ВХУТЕМАСа, учебник, написанный В. Ф. Кринским, И. В. Ламцовым и М. А. Туркусом – «Элементы архитектурно-пространственной композиции». В качестве

иллюстраций были там и творения западных модернистов, например, Ле Корбюзье. Иллюстрации построек Корбюзье подписаны политкорректно – «жилые дома». Они соседствовали в этом учебнике с египетскими храмами и постройками Палладио. На странице 97 была помещена фотография мельниковского клуба им. Русакова. Маленькая мутная фотография была подписана: «Клуб на Стромынке в Москве». Автор не упоминался вовсе, хотя Константина Мельникова Ламцов, Туркус и Кринский не могли не знать лично. Им страшно было даже упомянуть имена братьев Весниных и Мельникова. Интересная подробность: в Предисловии к знаменитому учебнику они как бы «забыли», что в 1923 году ВХУТЕИИ еще не существовал – был ВХУТЕМАС. Но, вероятно, само слово ВХУТЕМАС произносилось было в 1934 году опасно. В Предисловии авторы каются в грехах формализма, индивидуализма, в неправильном понимании места ВХУТЕМАСовской дисциплины в обучении архитекторов. В общем, страх за каждой строчкой: «Эта дисциплина впервые отвоевала свое право на существование в 1923 году во ВХУТЕИИ в результате длительной борьбы, происходившей на архитектурном факультете между различными взглядами на архитектуру и архитектурное образование. Одержав победу над господствующим индивидуализмом в вопросах архитектурного образования и являясь первым опытом постановки изучения принципов и элементов архитектурно-пространственной композиции, эта дисциплина имела и ряд своих недостатков. Недостатки ее выражались как в приемах работы со студентами, в методе преподнесения этих вопросов и их постановке, являющимися сугубо формальными, так и в неправильном определении места и значения данной дисциплины в работе архитектора...» [11].

В 1938 году «Элементы архитектурно-пространственной композиции» были переизданы. Исчезли виллы Корбюзье, плотина Днепрогэса, мельниковский Клуб им. Русакова на Стромынке, зато крупнее стали фотографии палладианских построек. В 1968 году Стройиздат переиздал «Элементы» по книге 1934 года. Предисловие, конечно, было уже другим. Книга эта до сих пор является основой учебников архитектурной композиции. Студенты любят этот курс и делают в качестве учебных заданий весьма изощренные абстрактные композиции. Занятие это увлекательное. В студии Владислава Кирпичёва «Эдас» дети делали с не меньшей фантазией абстрактные композиции. Правда, потом редко кто из них становился архитектором. Курс основ архитектурного проектирования в архитектурных ВУЗах один из самых любимых. Но... Потом те знания и умения, которые закладываются в этом курсе, как-то повисают в воздухе. (Можно поспорить с этим утверждением, но мой опыт преподавания в архитектурном ВУЗе свидетельствует об этом феномене).

О Ладовском, Мельникове, Леонидове, Весниных студенты слушают лекции в курсе истории советской архитектуры. Лекторы, как правило, не слишком углубляются в реальный исторический контекст «десяти лет, которые потрясли профессиональный мир». Рассказывать о лидерах советского авангарда проще в рамках сложившегося мифа: лишних вопросов не возникает. О побежденных героях в лекциях о советской архитектуре 30–50-х годов уже не говорится: тиран победил, заставил всех изучать классику и рисовать торжественные портики и колоннады, поэтому авангардисты перестали быть героями этого времени. На этом посту их сменили И. В. Жолтовский, А. В. Щусев и др. Братья Веснины, Моисей Гинзбург и Иван Леонидов исчезли из учебников, где повествуется о 30–50-х. Действительно, многие лидеры советского авангарда ушли из жизни в начале 40-х годов (Николай Ладовский и Эль Лисицкий – в 1941 году, Моисей

Гинзбург – в 1946 г.). Говорят, что Николай Ладовский покончил с собой. Как они жили в 30-х годах, что строили и что писали, исследуют ныне историки архитектуры. Оказывается, некоторые авангардисты продолжали проектировать и строить. Братья Веснины в 30–50-х годах возводили промышленные объекты. В 1930-е годы под руководством Моисея Гинзбурга в Кисловодске построен санаторий Наркомтяжпрома (ныне санаторий им. Серго Орджоникидзе). В проектировании принимал участие Иван Леонидов, который разработал знаменитую лестницу, ведущую в парк. В 30-е годы, как показало исследование Петра Завадовского, Леонидов увлекся египетской архаикой [12]. Это только в мифе герои умирают, но не сдаются. В жизни иначе.

Исследования последних 20 лет открывают множество подробностей и противоречий из жизни советского авангарда, публикуются статьи и книги. Но миф живет своей жизнью. Он устойчив, и никакие парадоксы

не могут его поколебать. Да, Ладовский говорил о пространстве, но, по выражению А. Г. Раппапорта, был самым «каменным» из всех архитекторов. Ученики слушали его и лепили из глины модели, где пространство как таковое не присутствует. Рационалистом Ладовский тоже не был, несмотря на декларации. Впрочем, под рационализмом он понимал совсем не то, что понимают все: его рационализм связан был с восприятием формы, с усилениями, которые человек затрачивает для того, чтобы ориентироваться в пространстве, осознавать пропорции и т. п. Тексты авангардистов, как и в любом мифе – рассказ о некоем творении, благодаря которому возникло нечто небывалое. Анализировать эти тексты с точки зрения логики бессмысленно, как и высказывания пифий в храме Аполлона в Дельфах, сделанных под влиянием одуряющих паров. Александр Раппапорт в статье «Парадоксы Ладовского» остроумно заметил: «Выступая страстным пропагандистом концепции архитектурного пространства, сам Ладовский почти всегда занимался преимущественно пластикой. Наконец, называя себя рационалистом, Ладовский демонстрировал скорее тончайший интуитивизм. Выбирая психологию восприятия в качестве основания нового метода, он делал очевидный шаг к человеку и антропоморфизму, но тут же объявлял: "Человек – мера всех портных. Архитектуру мерьте архитектурой"» [13].

Для тех, кто заканчивал архитектурные ВУЗы в начале 60-х, вера в миф о советском авангарде и ВХУТЕМАСе была опорой их творчества. Им казалось, что они продолжают дело советского авангарда. На самом деле они создали уникальные сооружения, совсем не похожие на творения своих кумиров. То, что на самом деле «начало всех начал» архитектуры современного движения не 20-е годы XX века, специалисты знают. Об этом написаны толстые книги. Но у мифа своя логика. Реальная предыстория здесь не важна. 20-е годы – мифологическое время, когда советские конструктивисты и рационалисты и западные функционалисты совершали подвиги, рисуя образы нового мира и по возможности воплощая их в жизнь. И неважно, что плоские крыши текли, коробочки на спичках-опорах были вовсе не функциональны, а свободный план в жилых домах был непригоден для жизни семьи. Поиграв в модернизм, богатые владельцы вилл, построенных Корбюзье и его подражателями, зачастую их бросали или перестраивали. Дома-коммуны в СССР, блиставшие новизной формы, просуществовали недолго. Жизнь в них была невыносимой. Клубы, призванные заменить церкви, существовали до тех пор, пока не сменилась идеология. Большинство из них сейчас отдали театральным коллективам, потому что структура плана подходит для театрального здания. Некоторые стали музеями. Кое-какие – даже торговыми центрами. До сих пор они – символы начала новой эры в архитектуре. Поклониться деяниям героев авангарда в Россию приезжают архитекторы со всего мира, удивляясь, в каком небрежении находятся их фетиши. Но миф может существовать и тогда, когда материальные свидетельства деяний героев лежат в руинах или сохранилось только место с памятным знаком.

Итак, национальные герои авангарда известны и причислены к лику святых архитектуры модернизма. ВХУТЕМАС (ВХУТЕИН) представляется колыбелью новой прогрессивной архитектуры, местом, где герои учились и учили, то есть местом сакральным. Миф ВХУТЕМАСа – часть мифа советского авангарда. Вспоминается одна забавная история. В начале 90-х годов миф о ВХУТЕМАСе – ВХУТЕИНе был так популярен, что Свердловский архитектурный институт чуть было не переименовали в Уральский архитектурно-художественный институт (УРАХУИН). Не случайно Ильф и Петров, написавшие

в 1928 году знаменитый роман «12 стульев» упомянули ВХУТЕМАС в диалоге Кисы и Остапа: «Ну, Киса, – заметил Остап, – придется с утра сесть за работу. Надеюсь, что вы сможете разводить краски. А потом вот что: я художник, окончил ВХУТЕМАС, а вы мой помощник. Если вы думаете, что это не так, то скорее бегите назад, на берег» [14].

Мифы ВХУТЕМАСа, советского авангарда, равно как и Баухауза и западного модернизма уже не разрушить, ибо они являются духовным основанием современного профессионального сознания. Без этих мифов современная архитектура, дизайн и изобразительное искусство потеряли бы опору. Мифы имеют особую природу, поэтому в культуре они легко уживаются с теми конкретными историческими фактами, которые становятся известными благодаря кропотливой работе историков. Никому уже не удастся разрушить героический миф о штурме Зимнего, созданный кинофильмом Сергея Эйзенштейна «Октябрь». Сколько бы нового мы ни узнавали о Николае Ладовском, Иване Леонидове, братьях Весниных и Моисее Гинзбурге, миф, повествующий о них в героическом ключе, неколебим. Неколебим и миф ВХУТЕМАСа. Книги Селима Омаровича Хан-Магомедова, подобно фильмам Сергея Эйзенштейна, тоже стали составной частью истории.

Литература

1. Джон Рид. Десять дней, которые потрясли мир. – URL : <https://www.litmir.me/br/?b=68961> (дата обращения: 06.10.2019)
2. URL : [https://ru.wikipedia.org/wiki/Октябрь_\(фильм\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Октябрь_(фильм)). – (дата обращения: 06.10.2019)
3. Жан-Клод Конеса. Октябрь: кризис изображения. – URL : <http://www.kinozapiski.ru/ru/print/sendvalues/583/> (дата обращения: 06.10.2019)
4. История советской архитектуры. 1917–1954 гг. : учебник для архитектурных ВУЗов спец. «Архитектура» / под общ. Ред. Н. П. Былинкина и А. В. Рябушина – 2-е изд. : перераб. и доп. – Москва : Стройиздат, 1985. – 256 с. – С. 8
4. URL : <https://magazines.gorky.media/druzhba/2012/8/shalamov.html> – 8 октября 2019 г. (дата обращения: 07.10.2019)
5. Красное студенчество. – 1929. – № 25. – С. 28
6. URL : <https://www.the-village.ru/village/weekend/read-books/238789-moscow-diaries> (дата обращения: 06.10.2019)
7. Алфеевский, Валерий Сергеевич. По памяти и с натуры. Годы учения. ВХУТЕМАС — ВХУТЕИН. – URL : <https://biography.wikireading.ru/279459> (дата обращения: 06.10.2019)
8. Рожкова, А. «Я хочу быть киноартисткой» // Вестник Пермского университета. – 2013. – № 2
9. Беседа с К. Н. Афанасьевым // Проект Байкал. – 2019. – № 59. – С. 82–89
10. Кринский, В. Ф., Ламцов, И. В., Туркус, М. А. Элементы архитектурно-пространственной композиции. – Москва–Ленинград : Государственное научно-техническое издательство строительной индустрии и судостроения НКТИ СССР, 1934. – С. 5
11. Завадовский, П. К. Иван Леонидов и стиль «Наркомтяжпром» // Проект Байкал. – 2019. – № 62. С. 88–95
12. Александр Раппапорт. Парадоксы Ладовского. – URL : http://parades.blogspot.com/2010/12/blog-post_04.html (дата обращения: 07.10.2019)
13. Ильф, И., Петров, Е. Двенадцать стульев. Глава XXXI. Волшебная ночь на Волге. – URL : http://az.lib.ru/i/ilfpetrov/text_0100.shtml (дата обращения: 10.10. 2019)